

12+

КАРИНА СТЕПАНЮК

Украденная песчинка

Карина Степанюк

Украденная песчинка

«Издательские решения»

Степанюк К.

Украденная песчинка / К. Степанюк — «Издательские решения»,

Человек — источник чувств и прежде всего искренней любви. Осознавая чувства и придавая им смысл, он направляется к свободе самовыражения, поиску истин. Когда в жизни происходят перемены, и время теряет власть над счастьем, тогда он прикасается к безграничному бытию. И бытие соединяет внутреннее и внешнее в единую композицию гармоничного созидания. И если представить, что на пути созидания сопровождают духи каждого из благ, то явится мир духов, который лишён их или ими преисполнен.

© Степанюк К.

© Издательские решения

Содержание

Замершее время	6
Путь к разрухе	10
Ветер в дюнах	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Украденная песчинка

Карина Степанюк

*Посвящается тому, для кого эта повесть
стала оазисом в его пустыне.*

© Карина Степанюк, 2026

ISBN 978-5-0070-6440-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все события и персонажи вымышлены, любые сходства с действительностью и реальными людьми случайны. Всё описанное является сказкой.

Замершее время

Пески застыли в мире духов. Ни одна песчинка не пустилась стремглав за ветром, ни одна колючка не накормила верблюда, да и живых существ в песках давно не появлялось. Пропал источник, который мог бы напоить странника, укутанного в полотна одежды. Сначала он разлился озером, а потом, наполняясь горькими слезами хозяйки пресных вод, иссох и покрылся толстой коркой соли.

Последний, кто остался среди духов, — дух времени. Он смотрел на застывшие дюны, вспоминая, как они перекатывались под действием его чар и сил его близкого друга, духа перемен, который ветром закручивал бури или монотонно нёс оторвавшуюся от песков колючку по изгибам пустыни. Все, кроме верховных духов, бытия и гибели, исчезли по вине времени. Он возомнил себя героем и одним из высших воплощений последовательного союза каждого, отчего сейчас бродил под пристальным взглядом первого верховного духа, окружившего мир острыми чёрными скалами и оградившего его от бесплодных земель второго.

Спустя десять лет, застывших и растянувшихся на целую вечность недвижимой скорби по ушедшему, духу времени дарована миссия, которая построит то, что он разрушил и за что винил себя каждую секунду, которая не отсчитывалась белоснежными песчинками, замершими внутри часов из чёрного стекла бытия.

Взмолившись о своей ошибке, он готов отдаться поискам источника там, где его, как и в пустыне, не было. Женщина, которая совсем забыла, что такое чувства, которая с головой ушла в работу, чтобы заполнить пустоту. Не спешило её время, не тянуло унылую рутину следом. Оно замерло внутри неё также, как в мире духов. Стоит приоткрыть завесу замкнутого, как просочится через брешь капля, а за ней прольётся сдерживаемое источника. Столь важного и нужного для духа времени.

Он обернулся человеком, зная, что другие духи, изгнавшие себя по собственной воле, тоже скрываются за ликами людей. И тени их не отличаются друг от друга, а по словам и внешности невозможно призвать к ответственности за то, что так угодно разрухе. И дух времени уже слышит звук потока, разносимый тянущимся гулом и звоном последней капли. Она оставит заметную коричневую точку на густой молочной пенке. А хотелось бы, чтобы голубое озерцо на бескрайнем жёлтом полотне песков.

— Ваш латте макиато, — сказал бариста и отдал Лаве подписанный стакан.

Она прочитала имя, которое знала хозяйка кофейни: «Лавиния». Внутри образовалась пустота. Лава терпеть не могла, когда её называли полным именем. Оно ассоциировалось у неё с белоснежной лавиной, которая в холод и тишину поднимает ещё более холодную бурю и наполняет округу треском. А вот сходство с застывшей лавой было очевидным. На растерянного бариста смотрела девушка с чёрными волосами, мрачным видом. Внутри него посеялось сомнение, а было ли всё в порядке некоторое время назад, потому что такое выражение лица могло создать только кроваво красное извержение.

Поодаль стояла хозяйка, подруга, которая скрестила руки, видя, что Лава злится. Она ожидала встречи с тем, что таится под мрачностью и твёрдой коркой равнодушия. Но так и не увидела, как не видела никогда прежде. Лава махнула ей и вышла. Весьма неудачно, ведь тут же врезалась в прохожего, не знавшего ни имени, ни слов извинений. Или знавшего?

— Извините! — остановился высокий, черноволосый мужчина арабской внешности. — Не хотел опрокинуть на вас горячий кофе.

— Ничего, — так же равнодушно сказала Лава, отряхнувшись, поправила крышку стаканчика и направилась по направлению к офису, даже не взглянув на мужчину.

Тот продолжал идти за ней, но девушке было всё равно: мало ли кто решил пойти той же дорогой. В её плане не было прописано контролировать всё прочее, не входящее в перечень

обязанностей на работе. Но мужчина прошел в то же здание, в тот же лифт. Вышел на том же этаже и направился в тот же коридор. Лава выкинула в мусорный мешок уборщицы пустой стаканчик и прошла к своему рабочему месту, снова не обратив внимания, как преследователь зашёл к её начальнику и закрыл за собой дверь.

Завтра Лаве нужно было сдавать презентацию на планёрке. Она всё это время думала только про цифры, графики, макеты и оформление. Личное не заботило её даже в свободное время. Его не было, как и людей, способных скрасить досуг. И казалось со стороны, что преследуй её маньяк, она бы не сбежала, а просто смирилась с тем, что судьбе угодно испытать в последний раз.

Зашедший в кабинет начальника должен был его сменить в конце этого месяца. И он уже настал. Прямо сегодня. И звали нового руководителя Сухраб. Красивый, чего не заметила Лава. Статный, что тоже прошло мимо её внимания. А также грамотный и эрудированный — могла ли она понять это по короткому «не хотел опрокинуть на вас горячий кофе»? Всё это способно очаровать любую, но Лаву влюбляло... Что же? Ничего. Работает до изнеможения, но точно без очевидного удовольствия. Слово пустыня, не имеющая своего оазиса.

Прекрасная цель для того, кто охотится за отчаянием. Но пока он не понимал, насколько глубоко проживается Лавой это чувство, насколько сухо внутри неё. Сухраб должен был оценить все риски, ровно так, как на следующий день о них вещала сама Лава.

— Данный план реализации товара способен повысить прибыль на три процента.

— Мало, — сказал Сухраб, когда та закончила.

— В прошлом квартале востребованность товара упала, что увеличило траты на производство относительно прибыли. Если хотим оставить...

— А если не хотим? — улыбнулся Сухраб.

— Презентация направлена на стратегию увеличения спроса, а не поиски альтернатив, — спокойно ответила Лава, даже не взволновавшись, хотя сидящие в зале переговоров вокруг нового начальника напряглись, только он появился в их компании.

— Тогда разработайте альтернативы. А вы, я смотрю, как руководитель команды, хорошо дурака поваляли. То, что сейчас на экране, меня вообще не волнует.

— Поняла вас, — записала в свой ежедневник Лава и собиралась уже выключить демонстрацию презентации.

— Я не говорил, что вы закончили, — сказал Сухраб показывая на слайд под номером 24 из 27. — У вас ещё есть возможность переубедить меня. Давайте. Блистайте.

Лава посмотрела на экран за спиной и переключила слайд вместо закрытия документа.

— Данная стратегия направлена...

Но и в этот раз она не старалась. Делала доклад, всем видом показывая, что знает, о чём говорит. А вместе с тем уверенная в отсутствии необходимости кому-то что-то доказывать. Работа сделана на высочайшем уровне — это уже является основанием обратить внимание. Сухраб прищурился, не увидев ожидаемой реакции на придирки. Они стрелами пролетели мимо Лавы или отскочили, стукнувшись моментально тупящимся остриём о её твёрдую породу безликих чёрных скал, отделявших пески от бесплодных чёрных земель. От параллели дух времени внутри человеческого тела содрогнулся.

— Да, понял вас, — устало выдохнул Сухраб и кинул ручку на стол. — Всё равно переделайте с учётом альтернатив. А лучше разработайте новый продукт. Что скажете?

В этот раз он обратился ко всему отделу. Коллеги были смущены, разозлены, сокрушены, но только Лава равнодушно занесла ещё одну пометку в ежедневник.

— А вы, я смотрю, абсолютно безразличны к работе, Лави-и-иния Авдо-о-отьевна, — заметил он, как та стрельнула глазами на пыхтевшего коллегу.

Лава стиснула зубы, слыша, как новый начальник назвал её ненавистным именем. Предыдущий пошёл навстречу за заслуги и стал инициатором не использовать окончание. Этот же

решил растянуть все звуки, которые ей так не нравились. Как и утром, её снова наполнила пустота. С ней жить Лава давно научилась, но совершенно не хотела чувствовать излишне. Пусть будет, но не разрастается, иначе ей просто нечем будет её заполнить. Она только что для себя решила: теперь даже полное имя не способно вывести её из себя.

— Ни в коем случае, — скупой улыбнулась Лава. — У меня есть идеи. Готова без презентации озвучить их прямо сейчас.

— Идеи? Уже? — сдвинул брови Сухраб и оглядел зардевшихся работников, которые всё это время, оказывается, надеялись только на эти слова от девушки, стоявшей за трибуной и стойко принимавшей весь удар на себя.

Она открыла пустой интерактивный лист, взяла стилус и принялась рисовать на планшете, который передавал на экран все черты нового проекта.

— У нас есть тематические продукты для Нового года и Рождества, которые направлены на определённую аудиторию. Мы можем акцентировать внимание на другие сезонные коллекции, которых у нас пока нет. Например, можем рискнуть и оперативно разработать тестовый набор для летнего сезона. Или основательно подготовить проект на осень с тематическими продуктами. Нужно обсудить с финансовым отделом и отделом маркетинга. Выпустить к ним эвент-календари с пробниками, что, как в большинстве случаев, вызовет желание купить оригинальные...

— Оценили бы для начала затраты. Такое впечатление, что хотите просто отметить для галочки, Лавиния Авдотьевна. Ещё идеи? — издевался Сухраб, пренебрежительно трясая рукой.

— Есть ещё одна идея, — сказала Лава, которая, по мнению нового начальника, соревновалась с ним в первый же его рабочий день.

— Сядьте, хочу других послушать, — показал он ей на стул, злясь от принципиального рвения.

Лава закрыла интерактивный лист и переместилась на своё место, продолжая записывать неозвученную мысль в ежедневник. Сухраб разозлился ещё пуще, не увидев даже намёка на волнение, и начал срываться на всех, кто пытался выдавить из себя хоть какую-то мысль. В итоге очередь дошла до Лавы, ожидавшей своего полного имени, но оно не прозвучало, ведь в девушке был полный штиль, который ничем не превратить в ураган.

— Закончим на сегодня, — сказал начальник и отпустил работников.

Когда в пустыне поднимается ветер, крупницы событий становятся подвластны духу времени, перемещаясь к нужным ему дюнам. Но пока Сухраб не смог подобраться к внутреннему ресурсу и разгадать содержимое Лавы, а также определить, почему никак не мог призвать духа перемен и нужных ему ветров. Тот, хоть и будучи непостоянным, всегда появлялся по первому зову. Сухраб был уверен, что если его нет в пустыне, он, как и все остальные, прячется между домов в людном городе. И помня его борьбу за мир духов, Сухраб был однозначно убеждён, что тот заинтересован вскоре появиться.

— Лавиния Авдотьевна, — позвал её начальник, когда она последней выходила из зала.

— Да? — остановилась та.

— Простите за пятно от кофе на блузке, — показал он на белоснежную ткань прошлым вечером купленного наряда.

Лава искусственно улыбнулась и кивнула, выходя в коридор. Сухраб поигрался с ручкой и зачеркнул в ежедневнике пункт: «выставить Лаву некомпетентной перед коллегами».

— Гнев — самое лёгкое. Но с ней не получилось, — пробормотал он, а потом навёл ручку на следующий пункт, где пометил обесценивание всех её заслуг. — Самооценка... И это не получится.

Он снова зачеркнул. Третий пункт: «увольнение».

— Отчаяние и безысходность. Нет, — нахмурился Сухраб и покачался на стуле. — Такая везде место найдёт. Я выбрал поистине воплощение нынешнего мира духов. Остаётся только это.

Под шариком ручки застыли буквы последней строчки: «Разрушение семьи или опоры».

— Ненавижу подобное, но такое никого не оставит равнодушным, — сжал губы Сухраб и обвёл члена семьи Лавы. — Придётся начать с тебя.

Путь к разрухе

Согласование с двумя высшими духами бытия и гибели было обязательным, как и разрушение устоявшейся жизни Лавинии Авдотьевны. Мужчина после завершения рабочего дня направился прямо к ним и увидел амбарный замок на двери стильного особняка, где они нередко устраивали вечеринки. Но он не мог пролезть между дверью и порогом — что-то не пускало его. Однако ему было известно, что его они примут всегда, потому что тот был одним из них. Значит, проход на заднем дворе сквозь фонтан будет доступен.

Обойдя высокий дом, подобравшись к дыре в заборе, куда совала нос безобидная собака, он просочился песочным вихрем и собрался у сухого резервуара. Сквозь трубы и фильтры, засоряя их, Сухраб пробрался в котельное помещение, а следом сразу же в кабинет двух вечно спорящих верховных духов, воплощённых в брата и сестру.

— Почему не через порог? — спросил тот, кто отвечал за бытие и называл себя коротко: Путь.

— Потому что я там твои чёрные камешки, перемолотые в труху, рассыпала. Через них он пройти не сможет, — сказала та, которая отвечала за конец ради скорого начала, окуривая помещение. Она звала себя, воплощаясь в людской форме, Разрухой.

Два близнеца были одеты по-викториански дорого. Оба бледны, а сестра настолько чёрно-белая, словно вышедшая из телевизора героиня фильмов Чарли Чаплина. Оборки тёмной ткани на груди, не вздымались от вздохов, а большие глаза на кукольном лице практически не моргали. Брат вечно закатывал глаза, встречаясь взглядами, ведь он верил, что та всегда уничтожает любое его начинание, зачастую недоведённое до конца. Он строит в этом мире всё, она всё разрушает. Этот вечный спор верховных духов в мире людей выглядел, как стычка двух врагов, которые всё же друг другу ближе любого верного друга.

— Теперь твои пустые клумбы окрасятся прекрасными цвета. Уж я выберу поярче. Например, этими, — он достал из платочного кармашка висевшего на спинке кресла пиджака цветок и, поведив перед лицом сестры, положил на край стола. — А ты что? Засорил всю систему фонтана? Завтра хотели запустить, — злился брат, сестра ему хитро улыбнулась, словно спровоцировала это специально и могла опять затеять скандал.

Но дух времени не позволил случиться тому, что отняло бы много времени.

— Эта девушка, — показал он фото сестры Лавинии из социальных сетей. — Мне нужна её смерть.

— Пф-ф-ф. Как самонадеянно просить о таком. Нет смерти у неё ближайшие сорок лет, — сев напротив духа бытия, перетасовал колоду из десяти карт духа гибели.

— А этот? — показал Сухраб фото лучшего друга.

Дух бытия косо посмотрел на фотографию.

— Нет, он под моей защитой. Не трогай моё творение, — сказал Путь и отвернулся, чтобы посмотреть, насколько бессмысленны расклады у сестры, а затем выставил в её сторону угрожающий палец. — И ты не посмеешь всё испортить. Даже не приближайся!

— Я и не собиралась. Чью внутреннюю пустоту ты выбрал для возрождения нашей пустыни? — спросила Разруха уже у Сухраба. — Лавинии или её матери?

— Лавинии, — подтвердил Сухраб, не понимая, почему была упомянута мать, когда он показал фото незнакомого ей парня.

После показал новое изображение, заставляя Разруху разложить триплет. Девушка ухмыльнулась, слегка поджимая пухлые губы.

— Ты, что ли, надоумил? — бросила сестра пренебрежительный взгляд на Путь и продолжила говорить с Сухрабом: — Кажется, ты будешь бессилён в попытке с помощью неё вер-

нута наших духов, — посмеялась она и снова кинула карту. — Но по картам действительно только она вернёт духа любви, который вернёт всех ею уведённых.

— Не смейтесь надо мной, возлагая эту миссию на духа любви и источника оазиса, — сжал кулаки Сухраб, дух времени.

— А на что ты надеешься? Ты же сам её погубил. А когда пески встали, вспомнил о равновесии? И как ни крути, утащила всех за собой именно она. Ей и возвращать, — зачинала скандал сестра, что брат не мог оставить незамеченным.

— Это ты позволила этому случиться. Не сама ли всё вечно портишь?

Сухраб спрятал глаза и сглотнул, потому что испытывал стыд за своё могущество в мире духов, которое из-за жадности осталось без свидетелей. Он почесал шею, взглянул на фотографию Лавы и собирался уйти, но привлёк внимание духа бытия.

— Я поставил тебя у своих внешних границ, чтобы ты следил за ними. Значит, мощи у тебя должно быть достаточно и без нашей помощи. Найди то, чем сможешь погубить построенное ею.

— Что я слышу от своего созидательного братца. А я против её гибели. Я буду мешать тебе, Сухраб, — игриво посмотрела на того Разруха и поднесла всё это время лежащий на краю стола цветок к носу, чтобы вдохнуть аромат, но брат резко дёрнулся вперёд и коснулся лепестков, которые тотчас почернели и рассыпались.

— Иногда для созидания лучшего нужно разрушение того, что неправильно воздвигнуто, — сказал дух бытия.

— И чего ты добился? Открытие совершил с помощью этой трухи? — кинула ему в лицо остатки тлеющего стебля Разруха. — Ладно, пока не буду вмешиваться.

Сухраб оглядел брата и сестру, видя в одном остроту чёрных скал, а в другой — глубину безжизненных просторов, ведущих к вечному. Очередная провокация, но при госте безрезультатная.

— Никто из её семьи не умрёт раньше, чем положен их срок. Жди минимум тридцать лет или работай иначе, — сказал дух гибели и затушил горящие травы, лежащие под рукой.

Получив разочарования больше, чем от равнодушия Лавы, Сухраб покинул большой дом через котельную и пошёл по улице, погружающейся в ночь. На небе собирались чёрные тучи, предвещающие дождь, а в животе урчало от голода. Можно было зайти в ближайшее кафе за салатом, горячим или хотя бы бутербродом, но... голод был от невыполненного. Хотелось услышать треск песчинок и уловить их первые попытки вырваться из застывшей картины замершей пустыни, складывающей то самое бытие, о котором беспокоился его дух, сидя напротив сестры и мечтая, чтобы не было конца и края у всего им созданного.

Но Лава не реагировала на попытки Сухраба поднять ветра, а дух перемен никак не хотел встречаться с тем, кто однажды уничтожил оазис, где жили, как считал дух времени, низшие духи с их незначительными задачами. Постоянно вспоминая друга и соратника, он пытался призвать его, показать, насколько сейчас не в угоду гордости нуждается в подчиняющемся духе перемен.

— Я верну то, что разрушил, — вздохнул Сухраб и, закрывая глаза, подставил лицо падающим каплям дождя.

Ведь в пустыне это было редкостью. Стоит насладиться короткими мгновениями перед восстановлением равновесия в сломленном мире. Жадность и нетерпение затмили добродетели, но не принесли удовлетворения тем, кто свергнул блага. Среди тех, кто однажды хотел больше, был и дух времени. Он заключил союз с духом ветров и, постепенно иссушивая просторы, вынудил низших духов признать его величие и свою крохотную роль в пространстве бытия и гибели. И даже вечно спорящие сейчас в мире людей брат и сестра уже не ведали: подчинились они его желаниям или всё ещё заставляют следовать ими обозначенным правилам, — поскольку низшие духи поглотились своими слабостями.

Дух перемен, который неоднократно вспоминался Сухрабом, был зависим от духа истин, наполнявшего его. И сейчас длинноволосый смуглый мужчина с бородой, пышной вокруг губ и редкой на щеках, с густыми бровями, массивным носом и чёрными маленькими глазами, потерялся среди исчезнувших правд и лжи, не зная пути и не ведая исхода перемен.

Дух, помогавший ветрам, который выглядел несвойственно пустыне, представляя девушкой альбиносом с синеющей от белизны кожей и краснеющими от солнца глазами, тоже был изменчив. Он, свободный в интерпретациях, мог быть отвергнут одними и принят другими. Всегда полагался на духа смысла, подстраивался под него, ведь истина без смысла — всего лишь чья-то полуправда.

Чем же славен следующий по меньшинству дух? Он наполняет пустыню различными переживаниями как хорошими, так и плохими. Темнокожий и кудрявый, с красивыми чертами бедуина и оттенком усталости, переливающимся в чёрных и выразительных глазах. От полярности его сил зависит частота бурь в пустыне, а также полноводность оазиса. Но дух смысла не может существовать за пределами свободы. Сейчас он заперт и оттого бессмысленный.

Дух свободы, гуляющий между редких пальм по горячему песку, был воплощён в прекрасной женщине, чья голова всегда была покрыта из собственной прихоти духа. Тогда ничего не оставалось, как любоваться мягкими линиями скул и бровей, губ и овала лица. Глаза, густо накрашенные сурьмой, удостаивали взгляда того, кто не боялся бросить вызов новому, а тем более пленению.

Но дух свободы настолько преуспел в своём воплощении, насколько силен был дух сознания. Мужчина с голубыми глазами, в которых постоянно отражались белые кучевые облака, широким крючковатым носом, высокими скулами и лбом. Он был молчалив, но если оставался нищ и скуп дольше положенного, заиклен и ленив с избытком, то и свобода слабела. И неспроста он мог быть невежественен, ведь дух сознания пуст без эмоций, а эмоции он получает от самого близкого духа любви, от источника питающего оазис, в котором тот пребывал.

Дух любви, несмотря на выбранный титул, не являлся воплощением только этого чувства. Он также сложен, как и первое впечатление от встречи с ним, ведь вначале видишь девушку с такими же голубыми глазами, таким же высоким лбом и выдающимися скулами. Губы всегда содрогались в скромной улыбке, отчего становилось не по себе, когда понимал, что источник истощается или разливается по округе под действием желания противостоять одному из верховных духов.

Над всеми правили бесплодные земли, высокая женщина, укрытая единым полотном без прорезей для глаз, рук. Дух погибели тащил за собой след по чёрным бесплодным землям. И если заходил на пески, то окрашивал свой путь угольной пылью. Любовь или движимое чувство зависели только от погибели, но всегда старались её побороть. В этом и заключался баланс всего бытия.

А теперь никого, кроме верховных духов и духа времени, не было. Скоро и они потеряются, не имея смысла, свободы и источника. Этого всегда боялась Разруха и затевала очередной скандал с братом, возвращая себе ощущение мимолётного равновесия. Сейчас для Сухраба был один только выход, чтобы вернуть всех низших духов. Ему нужно снова попытаться вызвать бурю внутри человека, который существует без перемен, без любви, без истины в мире, который его, вроде бы, и не отвергает вовсе.

Как только Лава станет частью оживившейся пустыни Сухраба, к нему вернётся часть силы. Давно он не видел высокомерия духа любви и источника вод желанного островка жизни. Не наблюдал гибкости и упёртости духа сознания, который уходил корнями в землю и искал там подпитку убеждений от источника. А вырастив высокие пальмы рассуждений дух сознания просил духа свободы распространить эту тень и сообщить духу смысла, что нет противоречий между ними и духом истинны. И готовы они, низшие духи, к изменениям, и способны оживить

сухие земли духа времени, если ветер перемен будет благосклонен и перестанет стирать новые пределы кочующими дюнами.

Да, ради власти Сухраб готов хоть безвозвратно войти в мир людей и стать беспощадным человеком.

Ветер в дюнах

Лава проснулась утром от зудящего чувства. Что-то происходило в её жизни, о чём она не знала. Будто чей-то взгляд прицепился к затылку и следил за всем, что она делала. А чьи-то уши всегда слушали, о чём она говорила и спрашивала. В мессенджер неожиданно пришло сообщение с непонятной фразой: «Ненавижу тебя». Но попытка дозвониться до подруги была безрезультатной.

— Ладно, — пожала плечами Лава и пришла перед работой к единственному человеку, которым возможно дорожила.

— Латте? — спросила та со злобой в голосе.

— Да, — сдвинула брови Лава, понимая, что подруга пытается всячески выразить свою ненависть, о которой написала в сообщении. — Что случилось?

— Ты даже не поинтересовалась вчера утром, что со мной? Как и днём ранее!

— Что с тобой? — спросила Лава.

— Уже не надо.

— Прости, но я не умею читать мысли. Что случилось? — ожидала Лава, когда подруга сделает ей напиток.

Та хохотнула с негодованием, а потом шумно обрушила стаканчик с молоком на стол, чтобы надеть крышку.

— Позавчера утром меня бросил молодой человек, — глаза подруги наполнились слезами. — Я вчера хотела сказать тебе, но ты даже не выслушала, умчалась на свою работу, как только получила свой грёбанный латте.

— Но это же глупости, — криво улыбнулась Лава. — И за это ты написала, что ненавидишь меня, а сейчас ссоришься?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.